

Е. Т. Артемов

**ОТ СТАЛИНА К ХРУЩЕВУ: МОТИВЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ НОВАЦИЙ
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ**

doi: 10.30759/1728-9718-2020-1(66)-62-70

УДК 94(470)

ББК 63(3)632

Статья посвящена анализу экономической политики послесталинского руководства. Отмечается, что его первые, «неотложные меры» ограничили безудержное наращивание военно-промышленной мощи. Это способствовало повышению темпов экономического роста и улучшению материального положения населения. Но для закрепления и развития достигнутых успехов нужна была продуманная экономическая стратегия. Однако Н. С. Хрущев, утвердившийся в качестве единоличного политического лидера, и его окружение не справились с этой задачей. Приоритетом объявили достижение сразу трех трудновосместимых целей: ускорение научно-технического прогресса, обеспечение паритета с «вероятным противником» в оборонных возможностях и создание социалистического аналога общества потребления. А главным средством одновременного решения этих задач избрали «совершенствование» хозяйственного механизма. Однако нежелание «поступаться принципами» свело его к череде административно-организационных перестроек. В отсутствие рыночных сигналов и санкций они привели к утрате управляемости экономикой, затуханию темпов ее роста и срыву амбициозных планов коммунистического строительства.

Ключевые слова: *командная экономика, экономическая политика, послесталинское руководство, военно-стратегические приоритеты, научно-технический прогресс, материальное благосостояние*

В современной историографии экономическим преобразованиям, последовавшим за смертью И. В. Сталина, уделяется пристальное внимание.¹ Практически все исследователи солидарны во мнении, что данные преобразования запустили процесс существенной трансформации социалистической системы хозяйствования, сложившейся в сталинскую эпоху. Однако ее побудительные причины и результаты оцениваются по-разному. Отсутствует общепринятая периодизация экономической политики хрущевского периода. Дискуссионным остается вопрос обоснованности и содержания новаций послесталинского, т. н. коллективного руководства. Были ли они необходимы и неизбежны? Как военно-промышленная направленность экономики была дополнена потреби-

тельно-ориентированной составляющей? За счет чего рассчитывали изыскать необходимые для этого ресурсы? Какая роль отводилась научно-техническому прогрессу? В чем и почему произошли изменения в экономической стратегии после утверждения Н. С. Хрущева в качестве единоличного политического лидера? Системный ответ на эти вопросы имеет принципиальное значение для понимания логики развития позднесоветского общества. И его поиск целесообразно начать с оценки экономических итогов сталинского правления.

Сталинское наследие

Экономическое наследие, доставшееся послесталинскому руководству, было весьма неоднозначным. С одной стороны, Советский Союз в считанные годы сначала восстановил, а затем и превзошел довоенный уровень промышленного производства. Одновременно наблюдались позитивные сдвиги в его отраслевой структуре и техническом уровне. Правда, они в значительной мере осуществлялись за счет репараций. Достаточно отметить, что в годы четвертой пятилетки (1946–1950) на их поставки пришлось до 50 % оборудования для объектов капитального строительства в промышленности.² Особую ценность представляла изъятая

¹ См.: Зубкова Е. Ю. Общество и реформы: 1945–1954. М., 1993; Davies R. W. Soviet economic development from Lenin to Khrushchev. Cambridge, 1998; Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М., 2002; Шестаков В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х гг. М., 2006; Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднейиндустриальной модернизации. М., 2006; Кудров В. М. Экономика России в мировом контексте. СПб.; М., 2007; Ванюков Д. А. Хрущевская оттепель. М., 2007; Катасонов В. Ю. Экономика Сталина. М., 2014; Спицин Е. Ю. Хрущевская сылкоть. Советская держава в 1953–1964-х годах. М., 2019 и др.

² См.: Ханин Г. И. Динамика экономического развития СССР. Новосибирск, 1991. С. 186.

техническая документация. Вместе с промышленным шпионажем она сыграла важную роль в создании таких новых наукоемких производств, как атомная индустрия, ракетостроение и радиоэлектроника, в техническом перевооружении авиа- и приборостроения, химической промышленности, электроэнергетики и т. д.

Динамичному наращиванию возможностей советской экономики способствовала стабилизация бюджетно-финансовой системы, совершенно расстроенной в годы войны. Ключевую роль здесь сыграла реформа оптовых цен на промышленную продукцию и транспортные тарифы. Ее проведение позволило отказаться от дотирования тяжелой промышленности, что мотивировало предприятия реально заниматься сокращением производственных затрат, подвигало их к экономному расходованию материальных и трудовых ресурсов.³ Другим важным шагом в оздоровлении финансов стала денежная реформа. Она носила конфискационный характер. Так что ее издержки легли на плечи населения, прежде всего на тех, у кого были крупные суммы наличных денег. Только переоценка вкладов в сберегательных кассах принесла казне доход в 3,6 млрд руб. В целом же, по имеющимся оценкам, потери населения от денежной реформы были на порядок выше.⁴ Но имелся и положительный эффект. Достижение равновесия между денежной и товарной массой повысило материальную заинтересованность работников и стимулировало рост производительности труда. Это положительно сказалось на эффективности производства, что открывало дополнительные возможности для перестройки его «утяжеленной» структуры, ускорения технического прогресса и решения назревших социальных проблем.

С другой стороны, очевидные успехи в экономическом развитии сопровождались нарастанием опасных диспропорций. В их основе лежали свойственные советской модели производства слабые места, связанные с нормативным ценообразованием, централизованным распределением ресурсов, «мягкими» бюджетными ограничениями при планировании и финансировании деятельности предприятий, издержками административных методов мотивации труда. Негативное воздей-

ствие этих факторов росло по мере увеличения масштабов производства и усложнения его структуры. Руководящим кругам становилось все труднее определять приоритеты, просчитывать последствия и контролировать исполнение своих решений. В результате появлялись экономически необоснованные программы и инфраструктурные проекты, росли объемы незавершенного строительства, множились случаи нецелевого использования выделяемых средств и т. п. Это подрывало сбалансированность бюджетно-финансовой системы, оборачивалось сбоями в материально-техническом снабжении и дефицитом самых необходимых товаров на потребительском рынке.

Проблемы усугубляла избранная стратегия экономического развития. Как и в предвоенные годы, она предусматривала форсированное наращивание потенциала базовых и оборонных отраслей производства. Согласно программному выступлению И. В. Сталина в феврале 1946 г., только такой подход мог обеспечить стране (и действовавшему режиму) гарантию «от всяких случайностей».⁵ Эта установка последовательно реализовывалась на практике. Сделанная же вождем оговорка о необходимости повышения уровня жизни народа, подъема отраслей производства, имеющих к этому отношение, носила декларативный характер. Реальных шагов по пересмотру структурной политики, изменению пропорций экономического развития за ней не последовало. Выступая с обоснованием принятого в марте 1946 г. четвертого пятилетнего плана, Н. А. Вознесенский подчеркивал, что его безусловным приоритетом является развитие тяжелой промышленности, ориентированной на усиление военной мощи страны. Отступить от этого курса, утверждал Н. А. Вознесенский, — «значит потерять те материальные предпосылки, которые обеспечили нам в период Отечественной войны военную, экономическую и политическую победу».⁶ Сменивший его на посту председателя Госплана М. З. Сабуров приводил аналогичные аргументы. Выступая на XIX съезде ВКП(б) с обоснованием пятого пятилетнего плана, он особо отмечал его нацеленность на опережающее наращивание промышленной мощи страны.⁷ Разумеется,

³ См.: Дерябин А. А. Некоторые эпизоды из истории советского ценообразования // Экономическая история СССР: очерки. М., 2007. С. 333–348.

⁴ См.: Клинова М. А. Государственное регулирование экономических стратегий городского населения РСФСР в первое послевоенное десятилетие. Екатеринбург, 2019. С. 228, 229.

⁵ Речь И. В. Сталина перед избирателями // Правда. 1946. 10 февр.

⁶ Вознесенский Н. А. Избранные произведения. М., 1979. С. 454.

⁷ См.: Деятельный съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Бюллетень № 6. М., 1952. С. 4, 5.

такая политика могла осуществляться лишь за счет жесткого ограничения потребностей населения. Несмотря на продолжавшие звучать декларации о планируемом «росте материального благосостояния, здравоохранения и культурного уровня народа», большинство рабочих и служащих получало нищенскую зарплату, не имело нормального жилья, испытывало постоянную нехватку товаров первой необходимости. Еще трудней жило сельское население. Оно, по сути, бесплатно работало в колхозах и выживало лишь за счет личных подсобных хозяйств, которые облагались непосильными налогами.⁸ Такова была цена успехов в послевоенном восстановлении и избранной модели развития производства.

Особенно дорого обходилось наращивание оборонного потенциала. Страна, еще не оправившаяся от беспрецедентных военных потерь, втянулась в холодную войну. В ходе развернувшейся гонки вооружений она пыталась решить сразу две чрезвычайно затратные задачи. Первая заключалась в стремлении добиться превосходства над «вероятным противником» в обычных вооружениях на евроазиатских театрах военных действий. Для достижения этой цели были запущены масштабные программы производства оружия и боевой техники для сухопутных войск. Одновременно ударными темпами наращивались возможности тактической авиации, надводного военно-морского флота. Увеличение поставок и освоение войсками новых видов вооружения обернулось стремительным ростом военных расходов. За пять лет, начиная с 1947 г., бюджет предшественников Министерства обороны вырос почти в два раза и вплотную приблизился к их бюджету в последний год войны.⁹ Еще более высокими темпами росли затраты на разработку и организацию производства боевой техники, вложения в развитие материально-технической базы военно-промышленного комплекса, проходившие по другим статьям бюджета. Это затрудняет интегральную оценку масштабов затрат на перевооружение. Но ясно одно: оно осуществлялось нарастающими темпами. Такой вывод подтверждают расчеты динамики укрупненных

межотраслевых балансов народного хозяйства СССР за 1950–1970 гг.¹⁰ В их второй квадрант включен столбец «прочее конечное потребление». Считается, что в нем отражены поставки Советской Армии боевой техники и вооружения (без детализации и учета «новой техники специального назначения», т. е. ядерного оружия). Согласно этим данным, только за 1950–1953 гг. их стоимость выросла более чем в два раза.

Однако традиционные виды и рода войск уже не могли обеспечить желаемого уровня обороноспособности страны. Военно-техническая революция принципиально изменила стратегическую ситуацию. Главную угрозу теперь стали представлять ядерные ударные силы США. И только обладание таким же оружием могло гарантировать Советскому Союзу хотя бы паритет в военной мощи со своим «вероятным противником». Так создание атомных, а затем водородных боезарядов превратилось для высшего руководства страны в задачу номер один. На ее решение были направлены огромные ресурсы. Затраты на разработку и производство ядерного оружия определялись по «фактической потребности», относились на «специальные расходы» бюджета и удовлетворялись «независимо от степени обеспечения... других нужд народного хозяйства».¹¹ С начала 1950-х гг. аналогичный порядок стал использоваться при разработке и производстве зенитно-ракетных систем, баллистических и крылатых ракет «дальнего действия». Одновременно в полном объеме сохранились планы наращивания обычных видов вооружения.

Растущие аппетиты военно-промышленного комплекса в первую очередь удовлетворялись за счет сокращения финансирования неприоритетных производств и социальной инфраструктуры, «сжатия» потребительского спроса. Но этим дело не ограничилось. Даже тяжелая промышленность систематически недофинансировалась. Это накладывало ограничения на выполнение амбициозных планов роста и технического перевооружения производства. Под угрозой срыва оказались долгосрочные планы развития. В качестве примера можно привести программу хозяйственного освоения Ангаро-Енисейского региона. Здесь еще в предвоенные годы наметили построить

⁸ См.: Попов В. П. Экономическая политика Советского государства. 1946–1953 гг. Тамбов, 2000; Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001; Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003. (Серия «Документы советской истории») и др.

⁹ Оценка по данным: Маслоков Ю. Д., Глубоков Е. С. Планирование и финансирование военной промышленности СССР // Вооружения России: в 2 т. М., 2010. Т. 1. С. 118, 119.

¹⁰ См.: Яременко Ю. В. Приоритеты структурной политики и опыт реформ. Изб. тр. в 3 кн. М., 1999. Кн. 3. Прил. 2. С. 261–353.

¹¹ Артемов Е. Т. Мобилизация и конкуренция в советском атомном проекте // ЭКО. Всерос. экон. журнал. 2019. Т. 49, № 7. С. 157–159.

каскад крупных гидроэлектростанций и ряд энергоемких предприятий по производству алюминия, магния, ферросплавов, электростали и т. п. Аналогичные проекты прорабатывались и во второй половине 1940-х гг. Их реализация обещала существенно расширить сырьевую базу советской индустрии. Но оказалось, что выпуск уже «намеченного количества атомных и водородных бомб» не обеспечен обогащенным ураном. Для восполнения его дефицита решили построить Ангарский электролизный химический комбинат проектной стоимостью в 5 млрд руб. (в ценах 1952 г.) с гигантским потреблением электроэнергии. Это, по сути, перечеркнуло все ранее подготовленные планы создания в регионе энергоемких производств. За комбинатом сразу зарезервировали половину мощностей возводимой Иркутской ГЭС. Затем он стал потреблять значительную часть электроэнергии, вырабатываемой Братской ГЭС. И только десятилетие спустя, с освоением центрифужной технологии обогащения урана, снизившей электропотребление в 20–30 раз, ситуация кардинально изменилась. Появились свободные электроэнергетические мощности, позволившие вернуться к реализации масштабных планов «вовлечения в эксплуатацию громадных природных ресурсов» Ангаро-Енисейского региона.¹²

«Неотложные меры»

Сталинское руководство в общем осознавало, что избранная стратегия социально-экономического развития имеет отрицательные последствия. Но в условиях растущего противостояния с «миром империализма» они воспринимались как естественные издержки. Поэтому необходимость форсированного наращивания количественных параметров производственного потенциала и военной мощи никем не оспаривалась. Да и в сложившейся конфигурации власти такая инициатива могла исходить только от Сталина. Периодически упоминающиеся в историографии предложения его соратников по уточнению осуществлявшегося курса носили частный характер. Большинство из них либо не имело значимых практических последствий, либо пресекалось на корню как противоречащее принципам социалистического хозяйствования. Хотя, скорее всего, главная причина сдержанного или нега-

тивного отношения к подобным предложениям заключалась в недостатке средств. Их можно было изыскать только за счет сокращения инвестиционных программ или военных расходов. Но этого Сталин ни при каких условиях не желал делать. Так что любые начинания, означавшие отступление от принятого курса, не имели перспектив. Такова, в частности, была судьба инициативы Н. А. Вознесенского о расширении производства товаров народного потребления, идеи Н. С. Хрущева о создании агрогородов, предложения А. И. Микояна, В. М. Молотова и Г. М. Маленкова о повышении закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию.

Существует, однако, мнение, что в высшем руководстве имелись существенные расхождения по вопросам долгосрочной стратегии. Утверждается, что И. В. Сталин считал главной ее задачей наращивание физических объемов продукции базовых отраслей промышленности, а председатель Госплана Н. А. Вознесенский смотрел в будущее. Для него центральная стратегическая задача заключалась в ускорении темпов научно-технического прогресса, повышении производительности труда, улучшении качества жизни населения. Подразумевается, что развиваемые им идеи во многом предопределили направленность послесталинских преобразований.¹³ Трудно сказать, на чем основывается это предположение. По крайней мере, такие выводы не подтверждаются документально. Исследователи, специально занимавшиеся этим вопросом, отмечают, что нет никаких оснований для поиска принципиальных отличий в позициях и взглядах сталинских сподвижников. Они солидарно выступали в поддержку форсированных темпов военно-промышленного роста и проведения соответствующей инвестиционной и структурной политики. Имевшиеся расхождения следует скорее отнести на счет соперничества за место во властной иерархии, ведомственных предпочтений и интересов.¹⁴ Да и Н. А. Вознесенский был репрессирован не потому, что разделял какие-то отличные от общепринятых взгляды. Его падение стало результатом борьбы за власть в сталинском окружении, а не расплатой за прогрессивные идеи.

¹² Он же. Восточные регионы в проектировках предвоенного Генерального хозяйственного плана // ЭКО. Всерос. эконом. журн. 2013. № 43 (1). С. 161–163.

¹³ См.: Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век. Кн. 4. Экономика России в условиях «горячей» и «холодной» войн. М., 2003. С. 330, 331.

¹⁴ См.: Попов В. П. Экономическая политика Советского государства... С. 129.

Попытки найти корни и истоки перемен в прошедшем периоде вполне понятны. В современной историографии крутые повороты в историческом процессе, как правило, объясняются структурными предпосылками. Считается, что они вызревают достаточно долго, но в какой-то момент, соединяясь воедино, оборачиваются качественными сдвигами. Такая схема в принципе обоснована, если говорить о логике долгосрочных изменений. Но «связь времен» не означает линейной зависимости. В переходные периоды случайные факторы и ситуативный выбор, частные интересы и предпочтения играют при определении траектории перемен такую же роль, как и историческая необходимость. И совсем необязательно они должны основываться на заранее сформулированных подходах.¹⁵ Экономические новации времен хрущевского десятилетия являются хорошим тому подтверждением.

Сначала это были сугубо ситуативные решения частного характера. Они предусматривали осуществление «неотложных мер», призванных хоть как-то улучшить материальное положение людей. Для проведения глубоких экономических реформ сталинские наследники не имели тогда ни продуманных идей, ни должного авторитета в обществе. Их предстояло еще наработать. А пока потенциальных претендентов на лидирующие позиции во власти больше волновала проблема, как приумножить свой политический капитал. Проще всего это было сделать путем осуществления ожидаемо популярных мер. Но здесь сразу возникал вопрос: где взять необходимые ресурсы для повышения жизненного уровня населения? С учетом сложившейся ситуации они могли появиться лишь в случае пересмотра инвестиционной программы и урезания военных расходов. Другими словами, нужно было осуществить меры, которые с порога отметились И. В. Сталиным. Тем не менее его наследники пошли на такой маневр. Уже в конце марта 1953 г. «заморозили» затратные «великие стройки коммунизма» общей сметной стоимостью 50 млрд руб., обещавшие отдачу лишь в отдаленном будущем. Их консервация позволила уже в 1953 г. уменьшить план капитальных работ на 3,46 млрд руб.¹⁶ (почти на

3 % от общего объема капитальных вложений по всем министерствам и ведомствам). Затем в следующем месяце на 4,65 млрд руб. сократили ассигнования Министерству обороны на закупку обычных вооружений¹⁷ (более 4 % его бюджета 1953 г.), которые затем сохранялись на одном уровне вплоть до 1957 г.¹⁸ Тогда же началось постепенное неафишируемое сокращение численности вооруженных сил, хотя официально о таких планах объявили только в 1955 г.¹⁹ Правда, ядерный арсенал страны продолжал наращиваться ударными темпами.

Эти акции имели далеко идущие последствия. С одной стороны, они создали важный прецедент. Оказалось, что отход от прежних приоритетов в экономической политике вполне допустим, когда речь идет о решении давно назревших проблем. С другой, появились ресурсы, которые были направлены на улучшение условий жизни населения. Из историографии хорошо известно, как это осуществлялось на практике. Сначала повысили закупочные цены на сельхозпродукцию, снизили налоги на личные подсобные хозяйства, сократили им нормы обязательных поставок продуктов, расширили агрономическую и зоотехническую помощь колхозам. Затем увеличили оплату труда ряду категорий работников промышленности, расширили производство потребительских товаров и розничный товароборот, развернули массовое жилищное строительство. Тогда же приступили к освоению целинных и залежных земель, рассчитывая уже в ближайшем будущем «окончательно и бесповоротно» решить зерновую проблему. Соответствующие меры в общем согласованно принимались «коллективным руководством». Имевшие место разногласия скорее объяснялись соперничеством в борьбе за власть, чем принципиальными различиями во взглядах. Такой вывод хорошо подтверждает случай Г. М. Маленкова. Часто утверждают, что его сместили с поста председателя Совмина СССР по причине особого мнения в вопросе о приоритетах социально-экономического развития или даже из-за приверженности идеям «рыночного социализма». На самом деле все обстояло гораздо проще. Г. М. Маленков оказался

¹⁵ См.: Бородкин Л. И. Вызовы нестабильности: концепции синергетики в изучении исторического развития России // Урал. ист. вестн. 2019. № 2 (63). С. 127–136.

¹⁶ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 (Сер.: Россия XX век. Документы). М., 2002. С. 788–791.

¹⁷ См.: Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980 гг.). М., 2006. С. 252.

¹⁸ Оценка по данным: Яременко Ю. В. Указ. соч. С. 264–353.

¹⁹ См.: Абрамова Ю. А. Незавершенная реформа Н. С. Хрущева: преобразование Вооруженных сил СССР в 1953–1964 гг. // Вестн. Москов. гос. обл. ун-та. 2011. № 4. С. 21.

на пути уверенно набравшего политической вес Н. С. Хрущева и поплатился за это.²⁰

Проблема выбора стратегии

Принятые коллективным руководством «неотложные меры» отличались прагматизмом. Они привели к дополнению военно-промышленной направленности советской экономической политики потребительско-ориентированной составляющей. Это позволило в относительно короткий промежуток времени добиться впечатляющих результатов. Как по официальным расчетам, так и по альтернативным оценкам, в течение 1953–1956 гг. значительно расширилось производство продовольствия и промышленных товаров массового спроса, выросла покупательная способность населения. Помимо мяса, молочных продуктов, тканей, одежды, обуви, граждане стали больше приобретать культурно-бытовых товаров длительного пользования (наручных часов, радиоприемников, мебели и т. д.). Одновременно обозначилась положительная динамика в обеспечении населения жильем. Конечно, до западных стандартов уровня жизни было еще далеко. Но очевидные успехи в повышении благосостояния и уменьшении товарного дефицита внушали надежду, что советский аналог общества потребления не за горами. Абсолютное большинство населения воспринимало улучшение своего материального положения как свидетельство жизнеспособности и перспективности социалистической системы хозяйствования. Уверенности в ее возможностях добавляли либерализация режима, ограничение принуждения и насилия в практике социального управления. Все это порождало устойчивые ожидания дальнейших перемен к лучшему. Такие надежды, подтверждали макроэкономические показатели. Дополнительные вложения в развитие аграрного сектора и производство промышленных потребительских товаров быстро окупались. Снижение капиталоемкости производства сопровождалось ростом фондоотдачи в промышленности, что оказывало стимулирующее воздействие на темпы экономического роста. По расчетам ЦРУ США, содержащим, по мнению большинства специалистов, наиболее реалистичную оценку динамики советской экономики, ежегодный прирост валового национального продук-

та в 1954–1956 гг. составил 7,6 %. Это заметно превышало аналогичный показатель как за три предыдущих, так и три последующих года: 3,8 % и 4,8 % соответственно.²¹

Однако «неотложные меры» могли дать лишь кратковременный результат. Для закрепления и развития достигнутых успехов требовалось повысить эффективность общественного производства в целом. Простое перераспределение ресурсов в долгосрочном плане проблемы не решало. К осознанию этого факта коллективное руководство подошло не сразу. Но уже в 1955 г. сформировалось определенное мнение, что только научно-технический прогресс может обеспечить устойчиво высокие темпы экономического роста. Эти идеи были «обкатаны» на состоявшемся в мае 1955 г. Всесоюзном совещании работников промышленности и июльском (1955) пленуме ЦК КПСС, конкретизированы в ряде партийно-правительственных постановлений.²² В принципиальном отношении они не выходили за рамки сложившейся практики. Другого было трудно ожидать. Любое отступление от базовых канонов социалистической системы хозяйствования рассматривалось тогда, как угроза самому существованию режима. Да и жизненный опыт большинства представителей правящей элиты не располагал к радикальному пересмотру догматов, к поиску каких-либо нестандартных подходов.

И все же по ряду параметров принятые решения можно характеризовать как новаторские. Во-первых, специальное внимание со стороны властных инстанций к проблемам развития науки и техники повышало их статус при планировании бюджетных расходов. Во-вторых, речь шла о стимулировании научно-технического прогресса во всех отраслях экономики. Такой подход заметно отличался от прежней практики, когда дело ограничивалось приоритетными секторами, прежде всего военно-промышленным комплексом. И, в-третьих, с одной стороны, признавалась необходимость централизации руководства научно-техническим прогрессом в государственном масштабе, а с другой — декларировалась целесообразность расширения прав ведомств и даже отдельных учреждений и организаций в его планировании.

Осуществление намеченного считалось важным условием повышения эффективности

²⁰ См.: Шестаков В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов. С. 166–170.

²¹ Рассчитано по: Кудров В. Советский экономический рост: официальные данные и альтернативные оценки // Вопросы экономики. 1995. № 10. С. 106.

²² См.: Артемов Е. Т. Научно-техническая политика... С. 155–159.

экономики. Однако реализация провозглашенного курса сразу вызвала трудности. Оказалось, что отдельные меры по совершенствованию организации научно-технической деятельности, призывы улучшить работу и проявлять активность в деле «внедрения», точечное выделение средств на эти цели не дают ожидаемого результата. Чтобы что-то здесь изменить, нужны были существенные финансовые вливания на регулярной основе. Однако сразу возникал непростой вопрос, где их взять и куда в первую очередь направлять имеющиеся ресурсы: на развитие науки и техники, структурную перестройку производства или на выполнение взятых обязательств по повышению жизненного уровня населения? Ситуацию усугубляла непродуманная внешняя политика. Благоприятное разрешение польского, венгерского и Суэцкого кризисов, растущее взаимодействие со странами третьего мира породили у советского руководства опасное стремление радикально упрочить позиции СССР на международной сцене.²³ Но для проведения такой политики нужна была материальная база в виде мощных вооруженных сил, способных нанести «вероятному противнику» неприемлемый ущерб в случае прямого военного столкновения. Так страна втянулась в новый виток гонки вооружений, обернувшийся дополнительной нагрузкой на экономику страны и стремительным ростом военных расходов, принявшим лавинообразный характер, начиная с 1957 г.

Тем не менее планом шестой пятилетки, утвержденным XX съездом КПСС, и рядом последовавших затем партийно-правительственных решений предусматривалось продолжение курса и на ускорение научно-технического прогресса, и на наращивание военной мощи, и на повышение уровня жизни населения. Ресурсы для одновременного достижения этих разнонаправленных целей предполагалось изыскать за счет повышения эффективности экономики. Ключевая роль здесь отводилась «совершенствованию» хозяйственного механизма. Однако по инициативе Н. С. Хрущева, все свелось к слову отраслевой структуры управления производством. Уже весной 1956 г. он продавил постановление об упразднении нескольких союзно-республиканских министерств «в связи с передачей ряда отраслей народного хозяйства в ведение союзных республик».

А через год, несмотря на явное и скрытое сопротивление большинства членов Президиума ЦК, процесс ликвидации отраслевых ведомств был завершен. Согласно принятому в мае 1957 г. Верховным Советом СССР закону, их заменили территориальные органы управления промышленностью и строительством в лице советов народного хозяйства экономических административных районов.²⁴

Совнархозовская реформа сыграла важную роль в укреплении позиций Н. С. Хрущева во властной вертикали. Дело в том, что действовавшая модель управления экономикой формировалась не им и не под него. Командные высоты в ней занимали люди, сдержанно относившиеся к исходящим от Хрущева новациям. Такое положение ставило под вопрос его претензии на высшее политическое руководство и не устраивало ту часть правящей элиты (прежде всего партийного аппарата), чьи интересы он выражал и защищал. Демонтаж ведомственной структуры управления позволял решить эту проблему. Появилась возможность отодвинуть на второй план руководителей, не признававших безусловное первенство Хрущева. А его главные оппоненты в Президиуме ЦК КПСС, выступавшие против совнархозовской реформы, серьезно подорвали свой авторитет, потерпев поражение в принципиальном вопросе. И вскоре, на июньском (1957) пленуме ЦК, они были смещены со всех постов. Так завершился переход от коллективного руководства к единоличному лидерству Н. С. Хрущева. И в этом смысле совнархозовская реформа оправдала его надежды. Однако она ничего не дала для повышения эффективности производства. Базовые принципы его организации и мотивации практически не изменились. Связанная с совнархозовской реформой череда административных реорганизаций лишь ослабила централизованное управление экономикой. В результате утраты должного контроля сверху расширились возможности для реализации частных интересов (отраслевых, региональных, групповых) в ущерб общегосударственным. Одновременно либерализация режима в отсутствие рыночных санкций привела к падению исполнительской дисциплины на всех уровнях хозяйствования. А стойкое нежелание

²³ См.: Фурсенко А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущева. Тайная история противника Америки. М., 2018. С. 152.

²⁴ См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стеногр. Постанов. Т. 2: Постановления. 1958–1958. М., 2006. С. 208, 209, 303–305, 511, 512, 522–539, 613–619; Заседание Верховного Совета СССР четвертого созыва. Седьмая сессия (7–10 мая 1957 г.). Стеногр. отчет. М., 1957. С. 291–297.

«поступаться принципами» обернулось усилением политико-идеологического детерминизма принимаемых решений. Так был запущен процесс трансформации командной экономики в «экономику согласований и бюрократического торга», отличавшуюся невосприимчивостью к новациям и затухающими темпами роста.

Правда, в историографии встречается мнение о позитивном влиянии совнархозовской реформы на экономическое развитие страны. В подтверждение ссылаются на материалы официальной статистики, в частности на расчеты ЦСУ СССР, выполненные по горячим следам для руководства страны. Согласно этим данным, если за год, предшествующий реформе, производство валовой продукции увеличилось на 9,6 %, то за первый год работы совнархозов оно выросло на 10,4 %, за второй год — на 10,8 %, а за 9 месяцев 1959 г. — более чем на 11 %. Отсюда делается вывод, что «деятельность совнархозов была исключительно эффективной» и в ведущейся дискуссии по данному вопросу пора ставить точку.²⁵ На самом деле, приведенные цифры не позволяют судить о реальной экономической динамике.

Eugenii T. Artemov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: ia-history@mail.ru

FROM STALIN TO KHRUSHCHEV: MOTIVES AND RESULTS
OF NOVATIONS IN ECONOMIC POLICY

The article is devoted to the analysis of the economic policy of the post-Stalinist leadership. It is noted that its first, “urgent measures” curbed the rampant buildup of military-industrial power. This contributed to the increase of the economic growth rate and improve the material situation of the population. But to consolidate and develop the achieved successes, a sound economic strategy was required. However, N. S. Khrushchev, who established himself as a personalist political leader, and his entourage failed to cope with this task. The achievement of three difficult goals at once was declared a priority: accelerating scientific and technological progress, ensuring parity with the “probable adversary” in defense capabilities, and creating a socialist analogue of consumer society. An improvement of the economic mechanism was chosen as the main means of simultaneous solution of these problems. However, the reluctance to “sacrifice principles” reduced it to a series of administrative and organizational reorganizations. In the absence of market signals and sanctions, they led to the loss of controllability of the economy, the decay of its growth rates and the frustration of ambitious plans for communist construction.

Keywords: *command economy, economic policy, post-Stalinist leadership, military-strategic priorities, scientific and technological progress, material well-being*

²⁵ Щербакова Т. И. Реформа управления промышленностью 1957–1964 гг.: проблемы осуществления и результаты // Экономическая история. 2010. № 2 (9). С. 80, 81. Автор статьи утверждает, что расчеты ЦСУ, позволяющие сделать однозначный вывод, она обнаружила в архивных фондах РГАЭ. Однако они были введены в научный оборот до публикации статьи и хорошо известны исследователям. См.: Докладная записка начальника ЦСУ СССР В. Н. Старовского в Совет Министров СССР об экономических показателях работы совнархозов в 1957–1959 гг. 6 окт. 1959 г. // Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. М., 2009. С. 375–404.

Во-первых, используемый показатель не дает адекватного представления о темпах экономического роста и сдвигах в эффективности производства. И, во-вторых, по заключению практически всех исследователей, занимавшихся оценкой достоверности советской статистики, она существенно искажала действительную картину, завышая темпы экономического развития. Это происходило как в силу несовершенства ее методологии, так и в результате сознательного «улучшения» экономической информации в угоду вышестоящему начальству. Если говорить об альтернативных расчетах, то они однозначно указывают на замедление экономического развития в ходе и после проведения совнархозовской реформы. Такая оценка содержится даже в материалах Института экономики АН СССР, подготовленных для октябрьского (1964) пленума ЦК КПСС. По его расчетам, начиная с 1957 г., ежегодный прирост национального дохода неуклонно снижался. И к 1963 г. он уменьшился в 3 раза.²⁶ Таков был печальный итог экономических новаций времен безусловного политического лидерства Н. С. Хрущева.

²⁶ См.: Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2007. С. 192.

REFERENCES

- Abramova Yu. A. [Incomplete reform of N. S. Khrushchev: transformation of the Armed Forces of the USSR in 1953–1964]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Regional University], 2011, no. 4, pp. 16–23. (in Russ.).
- Artemov E. T. [Eastern regions in the design of the pre-war General Economic Plan]. *EKO. Vserossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [ECO. All-Russian Economic Journal], 2013, vol. 43 (1), pp. 151–166. DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2013-1-151-166> (in Russ.).
- Artemov E. T. [Mobilizations and Competition in the Soviet Nuclear Project]. *EKO. Vserossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [ECO. All-Russian Economic Journal], 2019, vol. 49, no. 7, pp. 156–172. DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-7-156-172> (in Russ.).
- Artemov E. T. *Nauchno-tekhnicheskaya politika v sovetskoj modeli pozdneindustrial'noy modernizatsii* [Scientific and technical policy in the Soviet model of the late industrial modernization]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. (in Russ.).
- Belousov R. A. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii: XX vek* [Economic History of Russia: 20th century]. Moscow: Izdat Publ., 2003, book 4. (in Russ.).
- Borodkin L. I. [Challenges of instability: the concepts of synergetics in studying the historical development of Russia]. *Ural'skiy istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2019, no. 2 (63), pp. 127–136. DOI: [10.30759/1728-9718-2019-2\(63\)-127-136](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-2(63)-127-136) (in Russ.).
- Bystrova I. V. *Sovetskiy voyenno-promyshlennyy kompleks: problemy stanovleniya i razvitiya (1930–1980 gg.)* [Soviet military-industrial complex: problems of formation and development (1930–1980)]. Moscow: IRI RAN Publ., 2006. (in Russ.).
- Danilov A. A., Pyzhikov A. V. *Rozhdeniye sverkhderzhavy: SSSR v pervyye poslevoyennyye gody* [The birth of a superpower: the USSR in the first post-war years]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001. (in Russ.).
- Davies R. W. *Soviet economic development from Lenin to Khrushchev*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. (in English).
- Deryabin A. A. [Some episodes from the history of Soviet pricing]. *Ekonomicheskaya istoriya SSSR: ocherki* [Economic history of the USSR: essays]. Moscow: INFRA-M Publ., 2007, pp. 333–348. (in Russ.).
- Fursenko A., Naftali T. *“Kholodnaya voyna” Khrushcheva. Taynaya istoriya protivnika Ameriki* [Khrushchev's “Cold War”. A secret history of America's enemy]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2018. (in Russ.).
- Katasonov V. Yu. *Ekonomika Stalina* [Stalin's economy]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2014. (in Russ.).
- Khanin G. I. *Dinamika ekonomicheskogo razvitiya SSSR* [Dynamics of the economic development of the USSR]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991. (in Russ.).
- Klinova M. A. *Gosudarstvennoye regulirovaniye ekonomicheskikh strategiy gorodskogo naseleniya RSFSR v pervoye poslevoyennoye desyatiletie* [State regulation of economic strategies of the urban population of the RSFSR in the first post-war decade]. Ekaterinburg: UMTs UPI Publ., 2019. (in Russ.).
- Kudrov V. M. *Ekonomika Rossii v mirovom kontekste* [Russia's economy of in the global context]. Saint Petersburg: Aleteyya; Moscow: GU VShE Publ., 2007. (in Russ.).
- Maslyukov Yu. D., Glubokov Ye. S. [Planning and financing of the military industry of the USSR]. *Vooruzheniya Rossii* [Armaments of Russia: 2 vols]. Moscow: ID Oruzhie i tekhnologii Publ., 2010, vol. 1, pp. 114–161. (in Russ.).
- Popov V. P. *Ekonomicheskaya politika Sovetskogo gosudarstva. 1946–1953 gg.* [Economic policy of the Soviet state. 1946–1953]. Tambov: Tambovskiy tekhnicheskii universitet Publ., 2000. (in Russ.).
- Pyzhikov A. V. *Khrushchevskaya “ottepel’”* [Khrushchev's “thaw”]. Moscow: OLMA-PRESS Publ., 2002. (in Russ.).
- Shcherbakova T. I. [Reform of industrial management of 1957–1964: implementation problems and results]. *Ekonomicheskaya istoriya* [Economic History], 2010, no. 2 (9), pp. 73–82. (in Russ.).
- Shestakov V. A. *Sotsial'no-ekonomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva v 50-ye — seredine 60-kh gg.* [Socio-economic policy of the Soviet state in the 50s — middle 60s]. Moscow: IRI RAN Publ., 2006. (in Russ.).
- Spitsyn E. Yu. *Khrushchevskaya slyakot. Sovetskaya derzhava v 1953–1964 godakh* [The Khrushchev's Slush. The Soviet state in 1953–1964]. Moscow: Kontseptual Publ., 2019. (in Russ.).
- Vanyukov D. A. *Khrushchevskaya ottepel’* [Khrushchev's thaw]. Moscow: Mir knigi Publ., 2007. (in Russ.).
- Yaremenko Yu. V. *Prioritety strukturnoy politiki i opyt reform. Izbrannyye trudy v 3 kn.* [Priorities of structural policy and experience of reforms. Selected works in 3 books]. Moscow: Nauka Publ., 1999, book 3, app. 2. (in Russ.).
- Zubkova E. Yu. *Obshchestvo i reformy: 1945–1954* [Society and Reforms: 1945–1954]. Moscow: Rossiya molodaya Publ., 1993. (in Russ.).